

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

И.В. Берестов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИКИ В. ЭДЕЛЬБЕРГА В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Анализируется противостояние между двумя методологиями истории философии – историцизмом (контекстуализмом) и апроприационизмом. Показывается, что одним из оснований этого противостояния являются различные в этих двух лагерях ответы на вопрос о возможности использования понятий и концепций философов минувших эпох в современных дискуссиях. Эти разногласия излагаются в виде, пригодном для последующей формализации с использованием семантики В. Эдельберга.

Ключевые слова: историцизм; контекстуализм; апроприационизм; методология истории философии; антикваризм; анахронизм; интенциональное тождество; перспективалистская семантика; Вальтер Эдельберг.

Введение

Настоящее исследование является откликом на дискуссии среди современных историков философии о том, какой должна быть адекватная историко-философская методология, что позволено и что не позволено делать историку философии, каковы критерии качественного историко-философского исследования. Такого рода дискуссии стали весьма распространены в среде современных историков философии. Мы попытаемся внести свою лепту в современные методологические дискуссии, указав на метод, с помощью которого можно вывести из тупика некоторые дебаты, ведущиеся уже несколько десятилетий без значимого продвижения в понимании дисциплинарной специфики истории философии и ее миссии. При построении такого метода мы намерены использовать технические средства современной логики, а именно теорию моделей – современную теорию в рамках философской логики, активно используемую в философии языка, в рамках которой определение различных типов значений терминов и предложений осуществляется в соответствии со строгой и последовательной процедурой.

Множество появившихся историко-философских исследований, к сожалению, не привели к надежному установлению значений философских терминов, использовавшихся различными философами. Продолжающиеся дискуссии о значениях одних и тех же текстов и терминов привели к тому, что в настоящее время большинство историков философии более не рассматривают в качестве единственной цели истории философии установление того и только того, что думал исследуемый ими философ «на самом деле» (что было идеалом исторического образования, заложенного в XIX в. Леопольдом фон Ранке, см. [1. С. 274–275; 2. С. 241]). Однако есть нечто, установленное вполне надежно: это отсутствие у философов общего языка с одинаковым значением терминов, употребляемых разными философами, – ведь философы не только вводят новые термины, но и наделяют старые своим собственным содержанием. Такая «приватность» языка философов обычно рассматривается как

подрывающая коммуникацию между ними, а также как делающая невозможным описание одним философом или историком философии убеждений других философов [3. Р. 230].

Затруднение, связанное с «приватностью» языков философов, имеет много общих черт с «проблемой интенционального тождества», широко обсуждаемой в современной аналитической философии (своего рода вехами этой дискуссии, включающей в себя десятки статей в престижнейших журналах, являются [4–6]). Среди многих авторов, участвующих в обсуждении проблемы интенционального тождества, выделяется Вальтер Эдельберг, в 1986 г. начавший писать статьи, специально посвященные этой проблеме, и продолжающий делать это до сих пор. «Перспективалистская семантика» В. Эдельберга, представленная в [7], являющаяся подходом в рамках теории моделей, посвящена решению проблемы интенционального тождества в том случае, когда объекты, обозначаемые различными людьми одними и теми же терминами, являются различными. Последнее делает семантику В. Эдельберга пригодной для построения семантики убеждений философов и сообщений об их убеждениях.

Подозрение, что разные люди одними и теми же словами обозначают различные объекты, свойственно, конечно, отнюдь не только методологам истории философии и аналитическим философам, пытающимся решить проблему интенционального тождества. Это подозрение является глубокой и фундаментальной философской проблемой, очень профессионально обсуждавшейся еще Горгием, писавшим, что «никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой» (*MXG* VI, § 26, 980b 19 – по [8], см. тщательный анализ трактата Горгия «О не-сущем» в [9]). Мы уже писали ранее о глубокой укорененности этой предпосылки подхода В. Эдельберга в эпистемологии античных философов (особенно у Парменида, Зенона Элейского, Протагора, Горгия, Платона), при этом многие подходы античной эпистемологии продолжают быть востребованными и в наши дни [10; 11]. Можно сказать, что настоящее исследование, анализируя определенный теоретико-модельный подход к методоло-

гическим проблемам истории философии, тем самым косвенно раскрывает значимость приведенного положения Горгия – через указание на его роль в этом подходе.

Однако основной целью настоящего исследования является представление способа, которым можно прекратить затянувшиеся и идущие по кругу дискуссии среди историков философии, имеющих, как кажется, несовместимые позиции. Одной стороной в этих дискуссиях являются те, кто полагает значение философских текстов исчерпывающим тем и только тем, что вкладывал в этот текст его автор, при том, что для выявления этого значения следует принимать во внимание различные контексты, – например, историческую ситуацию, в которой был написан текст, другие тексты этого философа, тексты тех философов, с которыми этот философ полемизировал. Это позиция истористов и контекстуалистов. В соответствии с этой позицией, объекты каждого философа уникальны – по крайней мере, они различаются для философов, находящихся в различных исторических обстоятельствах и участвующих в различных дискуссиях. С точки зрения такой позиции эта уникальность объектов *препятствует* их использованию в современных дискуссиях. Сторонников этой позиции, таким образом, можно рассматривать как принимающих (с некоторыми оговорками и ограничениями) приведенный выше тезис Горгия, а также тезис В. Эдельберга о различии объектов из различных систем убеждений.

Другой стороной являются апроприационисты, для которых значение философского текста определяется его использованием для подтверждения или опровержения доводов в современных дискуссиях, а также для генерирования новых подходов, которые ускользнули от замылившегося взгляда современных содискурсантов. В соответствии с этой позицией, объекты даже античных философов могут иметь некие аналоги, эффективно использующиеся в современных дискуссиях. Сторонников этой позиции, таким образом, можно рассматривать как принимающих тезис В. Эдельберга о допустимости наличия у объекта из одной системы убеждений аналога в другой системе убеждений.

Как мы намерены показать, имеется такой способ трактовки указанных двух противостоящих позиций с использованием семантики В. Эдельберга, что они окажутся вполне совместимыми, и это позволит прекратить повторяющиеся споры между двумя лагерями, вывести дискуссии на новый, более продуманный уровень, а также сохранить весьма веские доводы, приводимые обеими сторонами в пользу своих позиций, отбросить которые было бы весьма проблематично. Для этого нам придется, помимо прочего, ответить на вопросы: «в каком смысле различие объектов различных систем убеждений *не препятствует* их использованию в современных дискуссиях?», «что является значением предложения и термина из философского текста?», а также определить, при каких условиях можно говорить о наличии аналога объекта из убеждений одного философа в убеждениях другого философа. В настоящей статье мы пройдем только первую часть обозначенного пути, остановившись на условиях, задающих модель, которая будет построена

по образцу одной из моделей В. Эдельберга. В следующей статье мы продолжим построение модели, после чего укажем, как именно она дает ответ на поставленные вопросы.

Дискуссия о семантике философских убеждений и задачи настоящего исследования

Характерной чертой философских рассуждений является частое использование положений о специфических объектах, часто называемых «абстрактными объектами», вроде «красота отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Платона) и «красота не отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Аристотеля). Платон предлагает доводы в поддержку своей позиции, и Аристотель поступает также. При этом последний схолярх платоновской Академии, Дамаский, придерживается точки зрения Платона. Можем ли мы говорить, что имеется столь длительная, многовековая дискуссия? Можем ли мы вообще понять то, что думали античные философы, учитывая различия в контекстах, в которые помещали эти предложения о красоте Платон и Аристотель, и помещаем их мы? Может ли сообщение об убеждениях Платона вида «Платон верил, что красота отдельна» вообще быть осмысленным и истинным? Попытаемся понять, как отвечают на эти вопросы методологи истории философии различных направлений.

Весьма влиятельными направлениями в методологии истории философии являются историцизм и контекстуализм. Ключевой фигурой историцизма XIX в. является Леопольд фон Ранке, см. [12], среди известных историцистов XX в. можно назвать Робина Джорджа Коллингвуда [13], Аласдера Макинтайра [14], Ричарда Рорти [15]. Контекстуализм можно считать более современным видом историцизма; среди современных контекстуалистов можно выделить Джона Покока [16] и Квентина Скиннера [17]. С точки зрения историцистов и контекстуалистов, смысл положений философов из написанного им текста надо понимать с помощью их непосредственного, довольно узкого контекста, включающего в себя (в различных вариантах историцизма и контекстуализма) исторические обстоятельства написания рассматриваемого текста, тексты самого рассматриваемого философа или его непосредственных содискурсантов, языковые конвенции того времени, унаследованные автором социальные или культурные предрассудки и традиции. Как излагает эту позицию Ив Шарль Зарка, «философский текст, для того, чтобы он стал понятным, следует поместить в контекст, в котором он был написан» [18. Р. 149]. Кропотливая работа с контекстами нужна для решения основной задачи историка философии, которая заключается в том, чтобы «обратиться ...к тому же самому объекту, что и оригинальный философ» [18. Р. 150].

Обычно для историцистов и контекстуалистов невозможно сопоставление убеждений таких весьма отдаленных друг от друга культурно и исторически авторов, как Платон и Дамаский, хотя кажется очевидным, что они признавали довольно много одинаковых предложений и даже сходным образом их по-

нимали. Также становится невозможным обнаружение сквозной проблематики на протяжении значительных периодов истории философии, сходной проблематики в разных школах разных эпох, в разных социальных, культурных и исторических обстоятельствах [18. P. 150; 19. С. 121].

Клод Паначчио приводит свое резюме «обобщенной» позиции историцистов и контекстуалистов в трех тезисах, которые мы приведем ниже. Вряд ли найдется хотя бы один историк философии, открыто придерживающийся всех этих тезисов (кажется, позиция Ричарда Рорти весьма адекватно передается этими тезисами, но не все согласятся назвать Рорти «настоящим» историком философии). Однако, как ни странно, эти тезисы действительно следуют из положений историцизма и контекстуализма, хотя, конечно, их сторонники не склонны признавать эти следствия в таком виде ([20. P. 19]; излагается по [21. С. 235]):

1. Радикальный холизм – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями.

2. Радикальный релятивизм – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.

3. Радикальный дисконтинуизм – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы.

Среди реальных фигур, придерживающихся п. 1, можно назвать Марка Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом» [19. С. 128]. При этом М. Бивир в качестве общего содержания вариантов контекстуализма Дж. Покока и Кв. Скиннера выделяет то, что философские понятия для них «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», так что они также «отрицают наличие исконных проблем в истории идей» [19. С. 121], т.е. этим общим содержанием оказывается нечто, близкое к п. 2.

Также среди историков философии, придерживающихся п. 2, можно назвать Джона Германа Рэндалла, утверждающего, что «проблемы одного столетия, в конечном счете не имеют отношения к проблемам другого» [22. P. 7].

Вероятно, наиболее обескураживающим следствием историцизма и контекстуализма является п. 3 (который просто следует из п. 2), в соответствии с которым мы не можем осмысленно высказываться об убеждениях философов минувших эпох: если значения их текстов определяются ближайшими к ним текстами *et vice versa*, то как современный историк философии может определить их значение, ведь значение ни одного из текстов, окружающих исследуемый текст, не известно ему непосредственно, а значит, он вынужден использовать для получения значения одного текста значения других текстов из контекста этого текста и т.д. (что грозит бесконечным регрессом), а для получения значений текстов из контекста он вынужден использовать все еще неизвестное ему значение исходного текста (что грозит порочным кругом)? Это проблема очень четко ставится Престоном Кингом в

[3. P. 210–212, 228]. Тем не менее многие историцисты и контекстуалисты полагают, что историк философии может, если использует правильную (историцистскую или контекстуалистскую) методологию, делать осмысленные высказывания о содержании текстов философов других эпох (о притязаниях Дж. Покока и Кв. Синнера на то, что их метод позволяет понять, что автор минувшей эпохи имел в виду, см. [19. С. 119–120]). Как кажется, позиция таких историцистов и контекстуалистов несогласованна.

Стороной, противостоящей историцистам и контекстуалистам, являются апроприационисты, предлагающие встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем. Теоретическое изложение позиции апроприационизма можно найти у Джона Пассмора [23], «проблемно-ориентированный подход» которого довольно близок к тому, что мы называем «апроприационизмом». Бертран Рассел, когда он писал «Проблемы философии» [24], полагал, что философы в разные времена обращались к одним и тем же проблемам, тем самым отвергая историцизм и склоняясь к апроприационизму. Следующее признание Джонатана Беннета выражает одну из важнейших характеристик апроприационизма:

«Я рассматриваю умерших великих [философов. – И.Б.] как если бы они были великими и живыми, как личностей, которые имеют что-то сказать нам *сейчас*» [25. P. 1].

Апроприационисты обычно критикуют историцистов и контекстуалистов за сведение истории философии к истории культуры, следствием чего является отказ от стремления внести хоть какой-то вклад в современные философские дискуссии [26. P. 1], так что ценность философских трудов минувших эпох низводится до исключительно «исторической ценности» осколков античных амфор. Например, Дж. Пассмор весьма пренебрежительно относится к историцизму, описывая его как «выставку философских теорий в музее культуры как характерных черт определенного периода» [23. С. 18].

Весьма часто историцистов и контекстуалистов обвиняют в самопротиворечивости их позиции. Например, Гэри Хэтфилд в [27] пытается показать самопротиворечивость историцизма Ричарда Рорти из [28]. По Г. Хэтфилду, Р. Рорти прослеживает метафору «познания как зеркального отражения реальности» сквозь различные эпохи (обнаруживая ее использование Платоном, Декартом, Локком, Кантом), нещадно ее критикуя и требуя избавить эпистемологию от нее, но присутствие такого понимания познания в различные времена несовместимо с радикальным дисконтинуизмом, вытекающим из весьма радикального историцизма Р. Рорти:

«От имени историцизма, Рорти сгладил историю философии. Ему не удалось объяснить, каким образом одновременно могло быть истинным, что философия со времен Платона занималась вопросами об отношении познающего и познаваемого, и что теории и цели философов изменялись от эпохи к эпохе и даже от писателя к писателю» [27. P. 100].

Противоречивость, сходная с подмеченной Г. Хэтфилдом противоречивостью в историцизме Р. Рорти,

на самом деле свойственна многим другим разновидностям историцизма, поскольку историк философии, как правило, живет в другую эпоху, чем исследуемые им философы. Если при этом принимается историцистское и контекстуалистское допущение, что инструменты и объекты философской деятельности в разные эпохи не могут иметь совпадающих характеристик, то из этого следует, что историк философии никогда не сможет приблизиться к постижению объектов своих клиентов. Тем не менее, ни один из известных нам реально работающих историков философии не отрицает, что приближение к пониманию учений исследуемых им философов является необходимым для его работы. Как излагает это следствие Престон Кинг:

«Поскольку я (современный историк) могу правильно понимать прошлое только на его собственном языке, и поскольку по определению этот язык отличается от моего собственного, я (который принадлежит, действует и может влиять только на мое собственное время) неспособен вынести какое-либо релевантное суждение о каком-либо минувшем времени» [3. Р. 230].

Универсальность указанного затруднения является знаком его серьезности, и мы ниже попытаемся предложить свое решение этой проблемы, используя семантику В. Эдельберга.

У позиции апроприационистов имеются свои недостатки. Историцисты и контекстуалисты разных направлений – Ричард Рорти, Квентин Скиннер и др. – обвиняют апроприационистов в приписывании древним философам того, чего они не думали и не могли думать, в принуждении древних философов к разговору на нашем языке, к использованию наших понятий, концепций, инструментов и стандартов философствования [26. Р. 2; 28. С. 179–172; 29. С. 397; 30. С. 74–75; 31. С. 194; 32. Р. 77–89]. Мы попытаемся показать, в каком смысле можно говорить об использовании объектов древних философов в современных дискуссиях без модернизации этих объектов.

Кроме того, апроприационистов часто обвиняют в том, что они отрывают сложившееся сейчас положение дел в философии от его истоков, а это порождает забвение дискуссий, приведших к современной практике использовать такие-то тезисы как нуждающиеся в обосновании, такие-то – как не нуждающиеся в нем, такие-то – как логические и методологические принципы. Это существенно уменьшает степень проработанности современных философских построений, поскольку

«...философский аргумент не появляется ниоткуда. Он является частью культурной традиции, которая привела нас к тому, чем мы стали сегодня; и если мы игнорируем эту традицию, то мы потеряем полную осознания значимости философских шагов, которые мы делаем, с потенциально катастрофическими последствиями» [33. Р. 39].

Еще одним направлением критики апроприационизма является указание на несовместимость этого подхода с широко распространенным сейчас пониманием философской деятельности (особенно среди авторов, склонных к аналитической философии) как не имеющего внутренних ограничений процесса анализа,

обоснования или критики теорий. При таком подходе философская деятельность понимается как дискуссия, в которой «за возражениями и ответами *следуют* возражения и ответы, а не определенный ответ» [34. Р. 51]. В соответствии с таким пониманием, «философствование должно, неизбежно, обладать историческим измерением, чтобы его вообще можно было считать философствованием» [33. Р. 30]. Этот вывод обосновывается тем, что для выполнения анализа современных аргументов необходимо выполнить анализ тех аргументов, на которые они являются ответом, и т.д., т.е. необходимо исследовать их полную генеалогию. Лоренс Крюгер выражает это, говоря о «глобальной историчности» теорий, которая заключается в том, что «открытие, так же как и подтверждение теории, требует предшествующей теории, или, скорее, цепи или сети предшествующих теорий» [35. Р. 93].

Однако апроприационисты проявляют интерес к тезисам, которые современные философы пытаются подтвердить или опровергнуть, оставляя без внимания старые аргументы, выдвинутые *pro et contra* этих тезисов, хотя изучение их генеалогии может привести к выводу, что содержание этих тезисов совершенно не такое, какое им приписывалось без изучения генеалогии. И если два современных философа обсуждают одно и то же предложение, максимально полно не учитывая генеалогии, которые каждый из них приписывает этому предложению, то весьма вероятно, что они наделяют это предложение различным содержанием.

Достоинством же позиции апроприационистов является то, что они, в отличие от историцистов и контекстуалистов, отдают должное современным дискуссиям, полагая, что содержание термина из философского текста зависит, помимо прочего, от дискуссий не только в окружении автора этого текста, но и в наше время, что позволяет историкам философии быть не антикваристски настроенными исследователями уже давно никому не нужных вещей, а быть историками *философии*, вносящими вклад в понимание генеалогии, а значит, структуры и содержания современных концепций.

Полемика между контекстуалистами и апроприационистами ведется давно и проявляет явные признаки заикленности: ходы и доводы повторяются уже несколько десятилетий. Можем ли мы говорить о том, что, хотя объекты теорий древних философов отличаются от наших объектов, мы, тем не менее, способны высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних? Этот вопрос можно считать несколько более точной формулировкой поставленного во *Введении* вопроса: каким образом объекты философов минувших лет могут использоваться в современных дискуссиях? Ни историцисты, ни апроприационисты не способны доказать, что на эти вопросы допустим положительный ответ, хотя некоторые историки философии осознают необходимость разработки методологии истории философии, способной дать такие ответы. В качестве примера такого историка философии можно привести И.Ш. Зарку. С его точки зрения, назрела необходимость построения такой истории философии, которая объективно состоятельна как с

точки зрения философии (объекты которой не привязаны к контексту), так и истории (объекты которой укоренены в контексте). Такую историю философии И.Ш. Зарка именует «философской историей философии», или «философской историографией» [18. P. 155–156].

Сам И. Ш. Зарка далее описывает свой подход, в котором работа историка философии производится в трех «регистрах». Но в этом описании нет обоснования логической совместимости «укорененности в контексте» и «непривязанности к контексту» объектов, о которых говорили философы минувших эпох. Также во многом декларацией или пожеланием остается рассуждение о возможности сохранения философского инструментария при его несомненном изменении у Тома Сорелла [34. P. 45].

Ниже мы намерены продемонстрировать, как можно использовать один из подходов к семантике пропозициональных установок В. Эдельберга, чтобы обосновать возможность использовать объекты философов минувших лет и генеалогию современных философских объектов в современных дискуссиях и возможность высказывать осмысленные сообщения об убеждениях философов других эпох, не приписывая им при этом того, чего они не имели в виду.

Рассмотрим, как, основываясь на перспективалистской семантике В. Эдельберга, можно решить проблемы, поставленные в ходе спора, с одной стороны, историков и контекстуалистов и, с другой стороны, апроприационистов. Из вопросов, порожденных этой дискуссией, для настоящего исследования представляет интерес следующий:

Следует ли из историцистского и контекстуалистского тезиса (ИТ) *античные философы создают теории о своих собственных объектах, отличных от тех объектов, с помощью которых современные историки философии пытаются описать убеждения античных философов* антиапроприационистский тезис (ААТ): *использование современных философских понятий, концепций и инструментов при интерпретации текстов античных философов недопустимо?* Очевидно, что ААТ противоречит апроприационистскому тезису (АТ): *значение философского текста определяется его использованием для подтверждения или опровержения доводов в современных дискуссиях, а также для генерирования новых подходов.*

Ниже мы попытаемся показать, что в моделях, основывающихся на модели Эдельберга для языка L_1 , описанной в статье [7. С. 320–325], можно показать истинность предложения

(1) Платон верил, что красота отдельна.

Это предложение, как подразумевается, высказывается современным историком философии.

Покажем, что высказать (1) проблематично для историков и контекстуалистов. Для историцистов и контекстуалистов объекты людей различных эпох (Платона и современного историка философии) различны, так что современный историк философии может приписать что-то лишь своей собственной «красоте», но не платоновской. Но какое содержание тогда имеет тогда (1)?

Историцисты и контекстуалисты согласны с тем, что (1) истинно, но, чтобы настаивать на его истинности, надо понимать его содержание. А каково это содержание – не очень понятно. Например, о какой «красоте» идет речь в (1) – о «нашей» красоте или о «платоновской»? Платон не мог иметь убеждений о «нашей» красоте, он имел убеждения только о «платоновской» красоте, – о том, что именно он понимал под «красотой». Значит, под «красотой» в (1) надо понимать «платоновскую» красоту. Но каким образом «платоновская» красота «просочилась» в убеждения современного историка философии, рапортующего об убеждениях Платона? Автор репортажа об убеждениях Платона сообщает о воззрениях последнего на своем языке, слова в котором имеют те значения, которыми автор репортажа их наделяет. Значит, современный историк философии наделяет платоновский термин «красота» некоторым значением в своей собственной системе убеждений (для простоты мы не будем сейчас усложнять ситуацию трудностями перевода с древнегреческого на русский, будем считать, что и Платон, и современный историк философии наделяют значением русский термин «красота»). Но как это совместимо с тезисом (ИТ), отстаиваемым историцистами и контекстуалистами, что ни один объект из системы убеждений Платона не может присутствовать в системе убеждений, определяемой другим, «неплатоновским» контекстом, – в частности, не может присутствовать в системе убеждений современных историков философии? С первого взгляда кажется, что присутствие «неплатоновской» красоты в системе убеждений того, кто желает сегодня сообщить об убеждениях Платона, несовместимо с ИТ.

Это является существенной неприятностью для историцистов и контекстуалистов, и с этим они никак не могут согласиться, ведь они считают себя «подлинными» историками философии, а значит теми, кто может и должен высказывать истинные сообщения об убеждениях античных философов. Одной из причин использования нами ниже подхода В. Эдельберга является то, что, в соответствии с этим подходом, в системе убеждений (теории) того, кто сообщает о системе убеждений (теории) Платона, *не могут присутствовать объекты из теории Платона* (как того и требуют историцисты и апроприационисты), но тем не менее сообщение об убеждениях Платона (1) истинно – при специально разработанных формальных условиях истинности для сообщений об убеждениях.

Без специальной семантики, достигающей такого результата, историцисты и контекстуалисты не могут претендовать на истинность (1), хотя возможность высказывать истинные предложения вроде (1) критически важна для их подхода. Однако семантика В. Эдельберга даже при принятии (1) не легитимизирует антиапроприационистский тезис.

Высказать (1) затруднительно также и для апроприационистов, хотя последние не будут из-за этого расстраиваться. Позицию апроприационистов можно даже представить как происходящую из невозможности получить доступ к аутентичному объекту древнего автора. Как пишет Коэн Вемейер,

«В соответствии с этими философами (апроприационистами, в качестве примера которых рассматривается Джонатан Беннетт. – И.Б.) у нас нет объективного доступа к истории. Историография является только одним дискурсом среди многих, конструирующих прошлое» [36. Р. 52].

Можно предположить, что указанный пессимизм относительно нашего доступа к объектам древнего философа побудил апроприационистов рекомендовать работу исключительно с современными представлениями о древних понятиях, суждениях и теориях, оставив попытки решить проблему определения «подлинных» убеждений античных философов.

Наш подход, использующий семантику В. Эдельберга, сочетает в себе требование историцистов и контекстуалистов осмысленности и истинности положения (1), а также требование историцистов, что термин «красота» имеет, среди прочих, тип значения, учитывающий использование этого термина в современных дискуссиях. Такой подход сохранит осмысленность работы историков философии, которая невозможна, если они не способны делать претендующие на истину утверждения вроде (1), и, кроме того, продемонстрирует значимость дискуссий, выходящих за рамки одной эпохи и одного контекста, для понимания значения философских терминов и предположений.

Далее, работа историка философии не может быть эффективной без истинности сообщения об убеждениях философа, который не согласен с другим философом по поводу характеристик некоторого объекта. Например, помимо (1), должно быть истинным также и следующее положение:

(2) Аристотель верил, что красота не отдельна.

Если Аристотель спорил с Платоном по поводу характеристик «красоты», то автор сообщений об убеждениях Платона и Аристотеля, как и сам Аристотель, могут отображать этот факт через употребление анафорического местоимения «она же» вместо термина «красота» в сообщении об убеждениях Платона и Аристотеля. Анафора здесь означает, что Аристотель, спорящий с Платоном о красоте, не только верит, что красота отдельна, но также верит, что он имеет в виду оригинальную платоновскую красоту – тот же самый объект, о котором говорил Платон, изрекавший «красота отдельна». А современный историк философии, автор сообщения об убеждениях Платона и Аристотеля, используя в своем сообщении анафорическое местоимение «она же», передает эту последнюю веру Аристотеля (разумеется, из того, что Аристотель верит, что красота из его теории совпадает с красотой из теории Платона, не следует, что это имеет место). Таким образом, нашей задачей должно быть объяснение истинности предложения

(3) Платон верил, что красота отдельна, и Аристотель верил, что *она же* не отдельна.

Истинность (3) может показаться сомнительной из-за того, что взаимоисключающие характеристики, приписываемые Платоном и Аристотелем своим объектам, как кажется, влекут по *Принципу тождества неразличимых*, что объект Платона отличен от объекта Аристотеля. Так что Платон и Аристотель говорят

каждый о своей «красоте», а значит, анафорическое местоимение «она же» в (3) *кажется* недопустимым. Для того чтобы сохранить осмысленность использования анафоры здесь, нам предстоит точно определить истинностные условия для сообщений об убеждениях с анафорой так, чтобы уйти от полного тождества объекта Аристотеля с объектом Платона.

Еще одно условие успешного написания истории философии – возможность истинных сообщений о том, что современный автор придерживается того же убеждения, что и античный философ, или придерживается его отрицания. Если такие сообщения невозможны, то мы не можем использовать древние тексты для сегодняшней философской работы, что делает бессмысленным само существование дисциплины «история философии». Таким образом, мы должны продемонстрировать, что может быть истинным, например, следующее положение:

(4) Рассел (когда писал книгу «Проблемы философии», см. [24. Гл. 9–10]) верил, что красота (которую Рассел именуется не «идеями» или «эйдосом», как Платон, а «универсалией») отдельна.

Поскольку Рассел соглашается с Платоном, подтверждает именно платоновское убеждение, мы можем записать (1), (2) и (4), используя анафорическое местоимение, – по аналогии с тем, как это было сделано в (3).

Теперь заметим, что философы имеют обыкновенные не просто провозглашать тезисы, а выдвигать аргументы. Это значит, что Платон как-то обосновывал, что красота отдельна, и был убежден в этом своем обосновании или аргументе. Таким образом, мы должны показать, что следующее положение также может быть истинным:

(5) Платон верил, что красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

В (5), как и в (4) и (2), «красота» может быть заменена на анафорическое местоимение.

Наконец, заметим, что та пропозиция, в которую Платон, по (5), верил, является сложной пропозицией. Но философы не только пытаются подтвердить свои убеждения доводами, выдвигая тем самым аргументы, но также и критиковать аргументы, выдвигая сложные аргументы, тем самым выдвигая сложные аргументы, содержащие в себе некоторые аргументы. Таким образом, для того, чтобы гарантировать осмысленность работы историка философии, мы должны показать, как может быть истинным положение вроде следующего:

(6) Аристотель верил, что аргумент «красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью» неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

В (6), как в (5), (4) и (2), может быть использовано анафорическое местоимение. Теперь мы можем окончательно записать одно сложное предложение, которое должно быть истинным для того, чтобы историк философии мог обоснованно претендовать на осмысленность своей работы:

(7) Платон верил, что красота отдельна, и Аристотель верил, что *она же* не отдельна, и Рассел верил,

что она же отдельна, и Платон верил, что она же отдельна, потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью, и Аристотель верил, что аргумент 'она же отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью' неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

Ниже мы намерены построить формальную семантику, в которой формула, являющаяся аналогом (7) на формальном языке, истинна. По ходу этого построения мы ответим на поставленный выше вопрос *способны ли мы высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних?*, предложим способ трактовки значения древних текстов, сочетающий историцистский и апроприационистский подходы, а также покажем совместимость ИТ и АТ.

Лексикон и синтаксис языка L_1

Теперь создадим язык L_1 , восходящий к языку L_1 в [7. Р. 320–322], на котором мы намерены переписать (7). После этого построим модель M , в которой будут оцениваться на истинность предложения на языке L_1 . Построение модели M , помимо этого, даст нам возможность ответить на сформулированные выше вопросы, касающиеся совместимости историцизма и апроприационизма.

Любая правильно построенная формула (далее – ППФ) Φ языка L_1 имеет истинностное значение не просто, а только относительно индекса и теории. Сначала разберем, что такое «иметь истинностное значение относительно индекса», Эдельберг в этом случае выражается, «иметь истинностное значение на индексе». Индекс – примитивное понятие, не имеет определения, о нем можно определенно сказать лишь, что это то, на чем формула оценивается как истинная или ложная. Индекс можно представлять себе как возможный мир (полный или не полный), ситуацию, положение дел. В разных мирах или ситуациях одно и то же значение терма t (термами являются как индивидуальные константы, так и переменные, но не предикаты) из $\Phi(t)$ может указывать на различные вещи, значения предикатов из этой формулы также могут изменяться. Это объясняет, почему формула на одном индексе может оцениваться как истинная, а на другом – как ложная. Очевидно, что в одном возможном мире Наполеон носит треуголку, а в другом – нет, так что формула Треуголконошение (Наполеон) на одном индексе может быть истинной, а на другом – ложной. Таким образом, истинностное значение формулы релятивизировано к той ситуации, о которой оно высказано: формула не имеет истинностного значения без указания на ситуацию, по отношению к которой оно оценивается.

Язык L_1 совпадает в общих чертах с обычным языком логики предикатов 1-го порядка с предикатом тождества « \Leftrightarrow », а истинность сформулированных на нем формул может быть определена только относительно модели M . Основным отличием L_1 является использование трех видов кванторов: константных кванторов вида (c/x) , восходящих кванторов вида

$(\uparrow\exists x)$ и нисходящих кванторов вида $(\downarrow\exists x)$, а также докастического оператора BEL_s .

Константные кванторы используются в формулах с теми же целями, с которыми обычно используются индивидуальные константы: высказаться о некотором индивидуе. Однако при их помощи снимается неоднозначность трактовки формул с индивидуальными константами, *если эти формулы находятся под докастическими операторами*. Единственным таковым оператором в L_1 является BEL_s . Формула $BEL_s\Phi(c)$ может трактоваться и *de dicto*, что в L_1 записывается как $BEL_s(c/x)\Phi(x)$, и она же может трактоваться *de re*, что в L_1 записывается как $(c/x)BEL_s\Phi(x)$. Если формула не находится под оператором BEL_s , то неоднозначности в ее трактовке не возникает, и переписывать формулу обычного языка логики предикатов 1-го порядка $\Phi(c)$ на языке L_1 с помощью константного квантора в виде $(c/x)\Phi(c)$ не обязательно, в этом случае ее можно оставить в исходном виде $\Phi(c)$. Например, формулу $BEL_s(c/x)\Phi(x)$ можно не переписывать в виде $(s/y)BEL_s(c/x)\Phi(x)$, ее можно оставить как есть.

Объясним теперь мотивы для введения кванторов $\uparrow\exists$ и $\downarrow\exists$ и принципы их использования. Поскольку истинностное значение формул оценивается на индексе, обычный вид формул с переменными, связанными обычными кванторами существования и всеобщности, оказывается недостаточно информативным для определения истинностного значения формулы. Например, рассмотрим предложение «Некто носит треуголку». На обычном языке логики предикатов первого порядка оно формализуется как $(\exists x)$ (Треуголконошение (x)). В этой формуле нет информации о том, какой именно области принадлежит x . Формула с переменной x , снабженная информацией об области пробега x , может быть истинна на индексе либо если в ней говорится о вещах, существующих только на этом индексе, либо если в ней говорится о вещах, существующих хотя бы на одном индексе, допустимом в модели M . Например, если область пробега x определить одним способом, то формула $(\exists x)$ (Треуголконошение (x)) истинна, если в настоящий момент в той ситуации, в которой эта формула оценивается на истинность, скажем, в той ситуации, в которой высказывается эта формула, кто-то носит треуголку. Если же область пробега x определить другим способом, то эта формула истинна, если в любой ситуации, полагаемой допустимой тем, кто создает модель M , например, если среди воображаемых ситуаций, или среди прошлых, настоящих и будущих ситуаций, или среди возможных ситуаций найдется ситуация, в которой эта формула истинна. Если, как в первом случае, область пробега x является «узкой», т.е. если x указывает на вещь, имеющуюся в той ситуации, в которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передается через использование специального квантора $\downarrow\exists$, «нисходящего квантора», вместо обычного \exists . В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка $(\exists x)$ (Треуголконошение (x)) передается на L_1 в виде $(\downarrow\exists x)$ (Треуголконошение (x)). Если же, как во втором случае, область пробега x является «широкой», т.е.

если x указывает на вещь, имеющуюся в какой-либо из признаваемых в модели M ситуаций, не только в той ситуации, в которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передается через использование специального квантора $\uparrow\exists$, «восходящего квантора», вместо обычного \exists . В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка ($\exists x$) (Треуголконошение (x)) передается на L_1 в виде ($\uparrow\exists x$) (Треуголконошение (x)).

Как обычно, индивидуальные переменные или индивидуальные константы именуется *термами*. Термы обозначаются через t, t_1, t_2, \dots . Индивидуальная константа обозначается через c (можно использовать также a, b, d, \dots , каждую букву можно снабжать подстрочными индексами), переменные первого порядка – через x, x_1, x_2, \dots, x_n , и также через y, z, w с подстрочными индексами. Одноместный предикат обозначается через P^1 или P , n -местный – через P^n . Вместо P здесь можно использовать любые другие латинские заглавные буквы, помимо P , кроме того, они могут иметь подстрочные индексы. Проверить, является ли данная формула ППФ, можно, используя следующие принципы: $P^n(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – ППФ для любого целого n , большего либо равного 1, но меньшего бесконечности; если Φ, Ψ – ППФ, то $(\Phi \& \Psi)$ – ППФ (то же можно сказать о формулах, построенных с помощью отрицания, дизъюнкции и материальной импликации и признаваемых ППФ в обычной пропозициональной логике); если Φ – ППФ, то $(\uparrow\exists x)\Phi, (\downarrow\exists x)\Phi, (c/x)\Phi, \text{BEL}_x\Phi$ – ППФ. Таким образом, в лексиконе языка L_1 могут иметься следующие множества, мощностью от пустого до бесконечного счетного: множество индивидуальных констант, множество переменных первого порядка, множество предикатов, множество ППФ. Также обычным способом используются скобки $(\dots), [\dots], \{\dots\}$. Кроме того, используются угловые кавычки $\ulcorner \dots \urcorner$. В угловые кавычки заключается формула, находящаяся внутри другой формулы. В этом случае формула, заключенная в угловые кавычки, рассматривается как длинное обозначение пропозиции, которую выражает эта формула, т.е. как пропозициональная константа.

Условия, задающие модель

Мы строим модель M для языка L_1 по образцу модели В. Эдельберга из [7. Р. 322], отличия нашей модели от модели В. Эдельберга будут оговорены в следующей статье.

Моделью M для языка L_1 является структура $\langle I, \theta, D, \beta, O, v, \exists \rangle$, удовлетворяющая следующим условиям, на которые в дальнейшем мы будем ссылаться как на «условия, задающие модель» (далее – УЗМ):

1. I есть *непустое* множество *всех* индексов, включенных в модель M . Индексы обозначаются через i_1, i_2, \dots . Индексы можно понимать как ситуации и пр., включаемые автором модели в создаваемый им «мир», в свой «универсум рассмотрения».

2. θ есть множество теорий, включаемых автором модели в свой «универсум рассмотрения». Каждая теория является множеством, состоящим из индексов. Теории обозначаются через T_1, T_2, \dots . Например, если

$T_1 = \{i_1\}, T_2 = \{i_1, i_2\}, T_1 \in \theta, T_2 \in \theta$, то $\theta = \{T_1, T_2\}$. Из такого понимания θ понятно, что любая теория есть какое-либо подмножество множества всех индексов I или само I . θ может быть пустым множеством, но в этом случае приписать убеждения кому-либо будет невозможным, поскольку $\text{BEL}_x\Phi$ становится ложным в соответствии с правилами оценки истинности этой формулы (см. ниже). Также отнюдь не обязательно, чтобы в модель M входили *все* теории, получаемые описанным способом из I . Теория отражает систему убеждений для субъекта, а иметь некоторую систему убеждений для субъекта означает придерживаться некоторой теории, для субъекта – это признавать некоторый набор ситуаций (индексов), в которых одни и те же объекты могут описываться в разных обстоятельствах.

3. D есть множество, членами которого являются все множества, каждое из которых содержит *домен индекса* из I . Домен индекса i обозначается через D_i . Доменом индекса называется множество *элементов домена индекса*. Элементы домена индекса обозначаются через $\delta_1, \delta_2, \dots$. Элементом домена индекса i называется та вещь, которая, так сказать, является проявлением (экземплификацией, инстанциацией) некоторого объекта на этом индексе. Например, в различных ситуациях, возможных мирах и пр. объекту, обозначаемому именем «Наполеон», соответствуют различные вещи: в одних случаях он в треуголке, а в других – без нее. D может выглядеть, например, как $D = \{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\} = \{D_{i_1}, D_{i_2}\}$. Важным условием на D является следующее: *домены индексов попарно не пересекаются*. Иначе говоря, элемент домена индекса присутствует в одном и только одном домене индекса. Таким образом, если $D_{i_1} = \{\delta_1, \delta_2\}$, то допустимо $D_{i_2} = \{\delta_3, \delta_4\}$, но недопустимо $D_{i_3} = \{\delta_1, \delta_4\}$. Через D^U будет обозначаться множество всех элементов всех доменов всех индексов модели M . Так, если $D = \{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\} = \{D_{i_1}, D_{i_2}\}$, то $D^U = \{\delta_1, \delta_2, \delta_3, \delta_4\}$.

4. β есть частичная функция из D^U в θ . β ставит в соответствие специфическим элементам доменов некоторых индексов специфические теории: тем элементам домена индекса, которые являются проявлениями на данном индексе такого объекта o , что одушевлен и имеет теорию на этом индексе; ставится в соответствие теория, которой o на этом индексе придерживается. Если $\beta(\delta) = T$, то T именуется теорией для δ в M .

5. O есть множество частичных функций, обозначаемых $o_1(i), o_2(i), \dots$, из I в D^U , и именуемых «объектами». Каждая из функций из O , или каждый объект, ставит в соответствие каждому индексу, на котором она определена, значение в виде одного элемента домена этого индекса. Например, функция Наполеон (i) ставит в соответствие индексу i_1 человека в треуголке, а индексу i_2 – человека без треуголки. Эти функции удовлетворяют следующим условиям:

(а) Для любого объекта o из O и любого индекса i из I , если объект $o(i)$ определен, то $o(i) \in D_i$ (т.е. все значения всех определенных на индексе i объектов, принадлежат домену индекса i).

(б) Для любого индекса i из I и любого δ из домена этого индекса D_i имеется объект o из O такой, что $o(i) = \delta$ (т.е. нет элементов доменов индексов, не являющихся значением хотя бы одного объекта, при

этом нет запрета на то, чтобы один элемент домена индекса был значением нескольких объектов, определенных на этом индексе, – например, значения функций Наполеон и Молодой Наполеон совпадают на некоторых индексах, отображающих ситуации с Наполеоном в молодости; на других индексах, отображающих ситуации с Наполеоном в зрелости, Наполеон определен, а Молодой Наполеон – нет).

Важным условием, влияющим на объекты и теории, является следующее: ни один объект не может быть определен на индексах, принадлежащих различным теориям, иначе говоря, **каждый объект определен на индексах, принадлежащих одной и только одной теории**. При этом один и тот же индекс может принадлежать нескольким теориям, но в этом случае ни один объект не может быть определен на этом индексе.

Объект o именуется существующим на индексе тогда и только тогда, когда он определен на этом индексе, o возможен (возможно существует) на теории T тогда и только тогда, когда o определен на хотя бы одном из индексов теории T , o необходим (необходимо существует) в T тогда и только тогда, когда o определен на всех индексах теории T .

6. \approx , отношение «... является близнецом по отношению к ...» (counterpart relation) есть бинарное отношение эквивалентности (транзитивное, рефлексивное, симметричное), определенное на O , такое, что для каждых o и o' из O , и для каждого i из I , если $o \approx o'$ и $o(i)$ и $o'(i)$ оба определены (т.е. значениями функций $o(i)$ и $o'(i)$ являются некоторые – совпадающие или нет – элементы домена индекса i), то $o(i) = o'(i)$. Иначе говоря, если два объекта являются двойниками и определены на одном и том же индексе, то значение первого объекта на этом индексе совпадает со значением второго объекта на этом индексе. Два объекта (которые являются частичными функциями) тождественны друг другу тогда и только тогда, когда они определены на одних и тех же индексах и значения этих функций (т.е. элементы доменов индексов) на тех индексах, на которых они определены, совпадают друг с другом.

7. v есть функция валуации (полная для а) и б) и частичная для с)), такая, что:

А. Каждому терму t (т.е. каждой индивидуальной константе или каждой индивидуальной переменной) из L_1 функция $v(t)$ назначает функцию $v(t)(\underline{I})$ от θ к O . Здесь и далее мы полагаем по определению эквивалентными выражения v и $v(\underline{I})$, $v(t)$ и $v(t)(\underline{I})$ и т.д. Например, дополнение (\underline{I}) после v в $v(\underline{I})$ указывает на то, что v является функцией, аргументом которой может быть t , т.е. аргументом которой является некоторый терм. Функция $v(t)(\underline{I})$ тем теориям, на которых она определена, ставит в соответствие объект, являющийся значением терма t в той теории, которая является ее аргументом. В этом случае функция $v(t)(\underline{I})$, являющаяся значением функции $v(t)$ от аргумента t , называется суперинтенционалом терма t в M . Таким образом, **суперинтенционал терма t в M** есть функция $v(t)(\underline{I})$, аргументами которой являются теории, а значениями – объекты; объект является значением терма t на той теории, на хотя бы одном индексе которой он

определен. Таким образом, значение терма зависит от теории, на разных теориях один и тот же терм может принимать различные значения (его значениями на различных теориях являются *различные* объекты). При этом теория есть репрезентация системы убеждений субъекта, придерживающегося этой теории. Это означает, что два различных субъекта, имеющих различные системы убеждений, могут наделять один и тот же терм различным значением, ведь каждый субъект наделяет терм значением *относительно своей теории*. Поскольку один и тот же объект не может присутствовать в двух различных теориях (по УЗМ 5), объекты, являющиеся значением одного и того же терма или двух различных термов на двух различных теориях, *различны*. Таким образом, частичная функция $v(t)(\underline{I})$ не принимает одинакового значения более чем на одной теории. Функция $v(t)(\underline{I})$ определена на теории T тогда и только тогда, когда объект $v(t)(T)$ определен на хотя бы одном индексе теории T . Поскольку предполагается, что все термы и предикаты, включенные в L_1 , должны иметь значение в M , частичная функция $v(t)(\underline{I})$ должна быть определена на хотя бы одной теории (но также допустимо, что она определена на всех или некоторых теориях из θ , при условии, что ее значения на различных теориях различны). **Интенционал терма t на теории T** в модели M есть частичная функция $v(t)(T)(\underline{i})$, **именуемая также объектом $o(\underline{i})$** . Объект $o(\underline{i})$ каждому индексу из той *единственной* теории T , на которой объект $o(\underline{i})$ определен (по УЗМ 5, объект может быть определен только на одной теории; объект определен на теории тогда и только тогда, когда он определен хотя бы на одном ее индексе), ставит в соответствие элемент домена этого индекса. Видно, что интенционал терма t на теории T в M есть значение суперинтенционала терма t на аргументе T . Таким образом, интенционал терма t на теории T в M есть значение суперинтенционала терма t на теории T . **Экстенционал терма t на теории T на индексе i** в M есть $\delta: \delta = v(t)(T)(i)$, где δ является элементом домена индекса i : $\delta \in D_i$. Таким образом, экстенционал терма t на теории T на индексе i в M есть значение интенционала терма t на теории T в M на аргументе i . Объект $v(t)(T)$ может быть не определен на индексе i ; поскольку, по УЗМ 5, объект не может быть определенным на всех или некоторых индексах более, чем одной теории, если i не принадлежит T , то объект $v(t)(T)$ не может быть определен на индексе i в M .

В. Каждому n -местному предикату P^n из L_1 функция $v(P^n)$ назначает функцию от индекса из I в множество, членами которого являются упорядоченные n -ки из элементов домена индекса, такие, что элементы каждой n -ки все вместе выполняют предикат P^n . **Интенционал предиката P^n в M** есть значение функции $v(P^n)$, каковым значением является функция $v(P^n)(\underline{i})$, которая каждому индексу i ставит в соответствие множество n -ок из домена этого индекса D_i , на каких n -ках выполнен предикат P^n . Таким образом, значение функции $v(P^n)$ есть такая функция $v(P^n)(\underline{i})$, что если $\langle \delta_1, \delta_2, \dots, \delta_n \rangle \in v(P^n)(i)$, то $\delta_j \in D_i$ для $1 \leq j \leq n$. **Экстенционал предиката P^n в M** на аргументе i есть значение интенционала предиката P^n на аргументе i ,

т.е. есть значение функции $v(P^n)(\underline{i})$, каковым значением является множество n -ок элементов домена индекса i , на которых выполнен предикат P^n . Например: $v(Q)(i) = \{\delta_1, \delta_2\}$; $v(P^2)(i) = \{\langle \delta_1, \delta_2 \rangle, \langle \delta_2, \delta_3 \rangle, \langle \delta_4, \delta_1 \rangle\}$. Функция $v(P^n)(\underline{i})$ есть полная функция, поскольку она определена для любого индекса из M . Если на индексе i в M нет вещей, чьи упорядоченные n -ки составляют экстенционал предиката P^n или $v(P^n)(i)$, то экстенционал предиката P^n есть пустое множество – $v(P^n)(i) = \emptyset$.

С. Ни одной, некоторым или всем ППФ из L_1 частичная функция $v(\Phi)$ назначает частичную функцию $v(\Phi)(\underline{T})$. ППФ из L_1 рассматривается нами как сложный терм, точнее – как сложная константа, т.е. как константа, в обозначение которой входит несколько символов. В отличие от $v(\underline{i})$, $v(\Phi)$ является частичной функцией: все или некоторые ППФ, написанные на L_1 , могут не иметь назначенных им частичной функцией $v(\Phi)(\underline{T})$ на каких-либо теориях объектов. Объекты назначаются ППФ Φ частичной функцией $v(\Phi)(\underline{T})$, только если Φ истинна на некоторой теории на некотором индексе, т.е. если имеются T_1 и i , такие, что $V[M, T_1, i, \Phi] = 1$ (функция V , назначающая истинностное значение формулам, будет описана в следующей статье). При этом частичная функция $v(\Phi)(\underline{T})$ может назначать объект формуле Φ не на теории T_1 , на индексе которой Φ истинна, а на теории T_2 , такой, что не обязательно, чтобы Φ была истинной на T_2 . Во всем остальном сказанное о $v(\Phi)(\underline{T})$, $v(\Phi)(T)(\underline{i})$, $v(\Phi)(T)(i)$ совпадает со сказанным о $v(t)(\underline{T})$, $v(t)(T)(\underline{i})$, $v(t)(T)(i)$ в УЗМ 7.А). Мы говорим, что функция $v(\Phi)(\underline{T})$ ставит в соответствие каждой из тех теорий, на которых она определена, некоторый объект, что частичная функция $v(\Phi)(\underline{T})$ есть **суперинтенционал формулы Φ в M и т.д.**

Объект, являющийся интенционалом формулы Φ на теории T (т.е. объект o : $o = v(\Phi)(T)$), можно трактовать как пропозицию *что* Φ . Допуская подобные объекты, мы получаем возможность высказываться о пропозициях, ведь значениями переменных и констант в формуле языка L_1 на фиксированной теории являются объекты, определенные на хотя бы одном индексе этой теории. В нашей модели появляются объекты вроде объекта, соответствующего предложению «Положение p обосновано на основании положения q ». То есть появляются аргументы. Их можно также сравнивать, соотносить, критиковать, подтверждать, опровергать, получая тем самым новые аргументы – более высокого порядка, представленные в других теориях, – для которых также можно получать обсуждающие их аргументы, и т.д.

Можно увидеть, что функция валюации на формулах $v(\Phi)$ описана выше точно так же, как и функция валюации на константах $v(\underline{c})$. Поэтому формула Φ_2 может входить в формулу Φ_1 таким способом, что Φ_2 функционирует как единое целое, так что всю Φ_1 можно рассматривать как длинное обозначение некоторой константы, и операции с Φ_2 производятся так, как если бы Φ_1 была обычной константой. Это значит, что присутствующая в Φ_1 формула Φ_2 может присутствовать в константном кванторе, т.е. может входить вместо c в выражение $(c/x)\Phi_3$. Если Φ_2 присутствует в Φ_1 указанным способом, то, как мы ви-

дели выше, $v(\Phi_2)(T) = o$, где o есть объект, являющийся некоторой пропозицией, точнее – пропозицией *что* Φ_2 . Однако синтаксический анализ и понимание формулы Φ_1 будут невозможны, если входящая в формулу Φ_1 формула Φ_2 , и функционирующая в Φ_1 как пропозициональная константа, не будет выделена так, чтобы было понятно, что данная цепочка символов составляет пропозициональную константу, так что входящие в нее термы и предикаты не имеют тех значений, которые им приписываются в модели. Для этого выделения мы используем угловые кавычки, так что Φ_2 , функционирующая в Φ_1 как имя для пропозиции (т.е. как пропозициональная константа), входит в состав Φ_1 только в виде $\ulcorner \Phi_2 \urcorner$ (вместо Φ_2 в Φ_1 стоит не имя формулы Φ_2 , а сама эта формула). Например, предложение «Обосновано, что Сократ мудр» можно записать на L_1 в виде формулы $\langle J(\ulcorner W(s) \urcorner) \rangle$, здесь $\Phi_1 = \langle J(\ulcorner W(s) \urcorner) \rangle$, $\Phi_2 = \langle W(s) \rangle$. Использование угловых кавычек сигнализирует, что заключенная в них формула упоминается, а не используется.

8. \Re есть бинарное отношение строгого частичного порядка (транзитивное, антирефлексивное, антисимметричное), определенное в M на O .

Выражение $\langle o_1 \Re o_2 \rangle$ читается как «объект o_2 вторичен по отношению к объекту o_1 », или « o_2 зависит от o_1 », « o_2 является значением функции, аргументом которой является o_1 », « o_2 является пропозицией, содержащей o_1 как свою конститuentу». Введение отношения \Re позволяет для каждого философского аргумента (мы понимаем аргумент как пропозицию, связывающую некоторым таким отношением несколько пропозиций, что одна из пропозиций объявляется истинной, обоснованной, не противоречащей фиксированному набору пропозиций или выводимой из него и проч.) / пропозиции, определенного на хотя бы одном индексе теории T_2 , соотносимого с другими аргументами, или как-то характеризуемого в теории T_2 , указывать те объекты, определенные на хотя бы одном индексе T_1 или других теорий, для обсуждения которых этот аргумент / пропозиция из T_2 вводится.

Другими условиями на \Re из M является:

если $o_2 \approx o_1$, то $o_2 \Re o_1$ недопустимо;

если $o_2 \Re o_1$, то $o_2 \approx o_1$ недопустимо;

$o_1 \Re o_2$ в M тогда и только тогда, когда

а) в правильно построенной для языка L_1 формуле Φ содержится терм t , такой, что для T_1 , i из M $v(t)(T_1) = o_1$;

б) формула Φ истинна в M на теории T_1 на хотя бы одном индексе i – $V[M, T_1, i, \Phi] = 1$ (функция V , назначающая истинностное значение формулам, будет описана в следующей статье);

с) в M $v(\Phi)(T_2) = o_2$.

Построение модели M будет опубликовано в следующей статье, там же мы продемонстрируем, как модель M может быть использована в дискуссиях о методологии истории философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смит Р. История гуманитарных наук. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
2. Вольф М.Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 237–257.
3. King P. Historical Contextualism: The New Historicism? // *History of European Ideas*. 1995. Vol. 21, № 2. P. 209–233.
4. Quine W.V.O. Quantifiers and Propositional Attitudes // *The Journal of Philosophy*. 1956. Vol. 53, № 5. P. 177–187.
5. Geach P.T. Intentional Identity // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, № 20. P. 627–632.
6. Saarinen E. Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes // *Linguistics and Philosophy*. 1978. Vol. 2. P. 151–213.
7. Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // *Noûs*. 1995. Vol. 29, № 3. P. 316–342.
8. Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // *Aristotelis opera* / Bekker I. Berlin : Reimer, 1831. Vol. 2. P. 202–206.
9. Вольф М.Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.
10. Берестов И.В. Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. 2016. № 2 (34). С. 259–268.
11. Берестов И.В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. 2016. № 4 (36). С. 28–38.
12. Eskildsen K.R. Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography // *Modern Intellectual History*. 2008. Vol. 5, iss. 3. P. 425–453.
13. Collingwood R.G. *The Idea of History*. Oxford : Clarendon Press, 1946.
14. MacIntyre A. The Relationship of Philosophy to Its Past // *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy* / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 31–48.
15. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997. 320 с.
16. Pocock J.G.A. The History of Political Thought : A Methodological Enquiry // *Philosophy, Politics and Society*, second series / Ed. by P. Laslett and W. Runciman. Oxford : Clarendon Press, 1962. P. 183–202.
17. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics* / Ed. by J. Tully. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 29–67.
18. Zarka Y. Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 147–159.
19. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // *История понятий, история дискурса, история менталитета* / под ред. Ханса Эриха Бёдекера; пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 112–152.
20. Panaccio C. De la reconstruction en histoire de la philosophie // *La philosophie et son histoire* / Boss G., éditeur. Zürich, 1994. P. 294–312.
21. Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований // *Логос*. 2009. № 4–5 (72). С. 224–246.
22. Randall J.H. *The Career of Philosophy*. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment. New York : Columbia University Press, 1962.
23. Passmore J. The Idea of a History of Philosophy // *The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory*. The Hague: Mouton, 1965 (Ser. *Studies in the Philosophy of History*, Iss. 5). P. 1–32.
24. Рассел Б. *Проблемы философии* / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Наука, 2001. 111 с.
25. Bennett J. Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume : In 2 v. Oxford and New York : Oxford University Press, 2001. Vol. 1. P. 1.
26. *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013.
27. Hatfield G. The History of Philosophy as Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 83–128.
28. Рорти Р. *Историография философии: четыре жанра* // Джохадзе И.Д. *Неопрагматизм Р. Рорти*. М., 2001.
29. Вольф М.Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // *Философия и наука: проблемы соотношения: материалы междунар. конф. Алёшинские чтения – 2016*. 2-е изд., испр. М. : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2017. С. 393–400.
30. Вольф М.Н. *Историография истории философии как модус аналитической истории философии* // *Сибирский философский журнал*. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–200.
31. Goldenbaum U. Understanding the Argument through Then–Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy // *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 71–90.
32. Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 25–41.
33. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 43–59.
34. Krüger L. Why Do We Study the History of Philosophy? // *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy* / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 77–101.
35. Vermeir K. Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy // *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 50–69.
36. Рокмор Т. Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // *История философии: вызовы XXI века* / под ред. Н.В. Мотрошиловой. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 сентября 2018 г.

APPLICATION OF WALTER EDELBERG'S PERSPECTIVALIST SEMANTICS IN THE METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY. PART I: A STATEMENT OF THE PROBLEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 69–81.

DOI: 10.17223/15617793/436/8

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Keywords: historicism; contextualism; appropriationism; methodology of the history of philosophy; antiquarianism; anachronism; intentional identity; perspectivalist semantics; Walter Edelberg.

In this article, the author analyses the collision between the two methodologies of the history of philosophy – historicism (contextualism) and appropriationism. The author shows that one of the reasons for this collision is the answers to the question: Is the application of the concepts of past philosophers in contemporary discussions possible? There are powerful arguments for the difference of the objects of ancient philosophers from the objects discussed by modern ones, and for the necessity of the study of the application of ancient objects in modern discussions. The author shows that one of the reasons for collision between historicists (contextualists) and appropriationists is the difference in answers given in these two camps to the question of the possibility of application of the concepts and conceptions of past philosophers in contemporary discussions. The author sets forth these differences in a form suitable for subsequent formalisation by means of W. Edelberg's perspectivalist semantics. As the author shows, one can treat the two opposing positions in such a way (based on W. Edelberg's perspectivalist semantics) that these positions are completely compatible. As the author hopes, this will stop the recurring disputes between the two camps and lead the discussion to a new, more thoughtful level. Moreover, this approach preserves the very powerful arguments cited by both camps in favour of their own positions, which would be very problematic to discard. In order to implement this approach, one has to answer the questions: "In what sense the difference of the objects in different belief systems does not prevent these objects from their involvement in up-to-date discussions?", "What is the meaning of the sentence and the meaning of terms in a philosophical text?". Also one has to determine necessary and sufficient conditions for the existence of an analogue of an object from the belief system of one philosopher in the belief system of another philosopher. In order to achieve the goal, the author proposes to treat the historicist and contextualists as accepting Edelberg's first thesis that there are no identical objects in two different belief systems, and to treat the appropriationists as accepting Edelberg's second thesis that an object from one belief system can have an analogue in another belief system. In the present paper, the author implements only the first part of the set tasks, stopping at the conditions that define the model built after one of Edelberg's models. In the next paper, the author will continue building the model, after which he will indicate how it answers the questions posed.

REFERENCES

1. Smith, R. (2008) *Istoriya gumanitarnykh nauk* [History of the humanities]. Translated from English. Moscow: HSE.
2. Vol'f, M.N. (2017) Sovremennye diskussii ob istorii filosofii: protivostoyanie teksta i konteksta [Modern discussions on the history of philosophy: the confrontation of the text and context]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 15(3). pp. 237–257.
3. King, P. (1995) Historical Contextualism: The New Historicism? *History of European Ideas*. 21(2). pp. 209–233.
4. Quine, W.V.O. (1956) Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosophy*. 53(5). pp. 177–187.
5. Geach, P.T. (1967) Intentional Identity. *The Journal of Philosophy*. 64(20). pp. 627–632.
6. Saarinen, E. (1978) Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes. *Linguistics and Philosophy*. 2. pp. 151–213.
7. Edelberg, W. (1995) A Perspectivalist Semantics for Attitudes. *Noûs*. 29(3). pp. 316–342.
8. Aristotle. (1831) De Xenophane, de Zenone, de Gorgia [To Xenophane, to Zenone, to Gorgia]. In: Bekker, I. (ed.) *Aristotelis opera*. Vol. 2. Berlin: Reimer.
9. Vol'f, M.N. (2014) Gorgias' "On Not-Being or On Nature" In De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: Its Formal Structure and a Translation from Greek Into Russian. *Scholia. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 8(2). pp. 152–169. (In Russian).
10. Berestov, I.V. (2016) Gorgias of Leontinoi's arguments as an evidence for philosophical significance of problem about intentional identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (34). pp. 259–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/31
11. Berestov, I.V. (2016) Holistic assumptions in the third argument of Gorgias' treatise "On non-being". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (36). pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/36/3
12. Eskildsen, K.R. (2008) Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography. *Modern Intellectual History*. 5(3). pp. 425–453. DOI: 10.1017/S1479244308001753
13. Collingwood, R.G. (1946) *The Idea of History*. Oxford: Clarendon Press.
14. MacIntyre, A. (1984) The Relationship of Philosophy to Its Past. In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Pocock, J.G.A. (1962) The History of Political Thought: A Methodological Enquiry. In: Laslett, P. & Runciman, W. (eds) *Philosophy, Politics and Society*. Second series. Oxford: Clarendon Press.
17. Skinner, Q. (1988) Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Tully, J. (ed.) *Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Zarka, Y.Ch. (2005) The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
19. Bivir, M. (2010) Rol' kontekstov v ponimani i ob'yasnenii [The role of contexts in understanding and explaining]. In: Bedeker, Kh.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [The history of concepts, the history of discourse, the history of mentality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Panaccio, C. (1994) De la reconstruction en histoire de la philosophie [On the reconstruction of the history of philosophy]. In: Boss, G. (ed.) *La philosophie et son histoire* [Philosophy and Its History]. Zürich: Éditions du Grand Midi.
21. Flasch, K. (2009) Kak pisat' istoriyu srednevekovoy filosofii? K diskussii Kloda Panachchio i Alena de Libera o filosofskoy tsennosti istoriko-filosofskikh issledovaniy [How to write the history of medieval philosophy? To the discussion of Claude Panaccio and Alain de Libera on the philosophical value of historical and philosophical studies]. *Logos*. 4–5 (72). pp. 224–246.
22. Randall, J.H. (1962) *The Career of Philosophy*. Vol. I. New York: Columbia University Press.
23. Passmore, J. (1965) The Idea of a History of Philosophy. In: *The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory*. The Hague: Mouton. (Ser. *Studies in the Philosophy of History*. 5).
24. Russel, B. (2001) *Problemy filosofii* [Problems of Philosophy]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Nauka.
25. Bennett, J. (2001) *Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume: In 2 v.* Vol. 1. Oxford and New York: Oxford University Press.
26. Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) (2013) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
27. Hatfield, G. (2005) The History of Philosophy as Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
28. Rorty, R. (2001) *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [Historiography of Philosophy: Four Genres]. Translated from English. In: Dzhokhadze, I.D. *Neopragmatizm R. Rorty* [Neopragmatism of R. Rorty]. Moscow: Editorial URSS.

29. Vol'f, M.N. (2017) [Methodological controversies around the history of philosophy: contextualism or appropriationism?]. *Filosofiya i nauka: problemy sootneseniya* [Philosophy and science: problems of correlation]. Proceedings of the International Conference *Aleshinskie chteniya – 2016* [Aleshin Readings – 2016]. 2nd ed. Moscow: RSUH. pp. 393–400. (In Russian).
30. Vol'f, M.N. (2018) Historiography of the history of philosophy as a modus of the analytic history of philosophy. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 16(2). pp. 189–200. (In Russian).
31. Goldenbaum, U. (2013) Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy. In: Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
32. Cottinham, J. (2005) Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
33. Sorell, T. (2005) On Saying No to History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
34. Krüger, L. (1984) Why Do We Study the History of Philosophy? In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Vermeir, K. (2013) Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy. In: Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
36. Rockmore, T. (2014) Zametki ob istorii filosofii i ee otnoshenii k filosofskomu “dukhu vremeni” (Zeitgeist) [Notes on the history of philosophy and its relation to the philosophical “spirit of the time” (Zeitgeist)]. Translated from English. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st century]. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”, pp. 64–79.

Received: 28 September 2018